РЕЖИССЕР И ТРУППА

СЕВАСТОПОЛЬ — ГОРОД ТЕАТРАЛЬНЫЙ

И не только потому, что в этом городе два театра и несколько студий. Важнее другое — в Севастополе есть театр, который имеет своих зрителей. Они любят его красиво и чуть-чуть старомодно: не пропускают премьеры и дарят актерам цветы.

Когда стало известно, что главный режиссер Театра имени Луначарского Владимир Петров уезжает в Киев, город пришел в волнение: рушилась годами возвращаемая театральная семья, а которую входил и зритель. Зритель, не

разделявший понятия «наш театр» и «театр Петрова».

А что такое «театр Петрова»? Это прежде всего репертуар. «Собачье сердце» М. Булгакова, «Театр» М. Фрейна, «Отравленная туника» Н. Гумилева, «Портрет» С. Мрожека, «Панночка» Н. Садур. Это неприятие обыденного разговора с залом и разговора об обыденном. Это привязанность к сценическим метафорам, к поэтическому восприятию мира... Но «театр Петрова» — это и спектакли молодого режиссера Романа Мархолия.

Из разговора с известной актрисой:

— «Театр Петрова» стал началом самого счастливого периода

в моей жизни. У нас было два режиссера. Они дополняли друг друга...

Из двух остался один. Но — «свой». Театру не навязывали «варяга». И это, возможно, помогло сохраниться Севастополю как городу театральному.

Спектакли Мархолия были очень не похожи на все то, что делал в театре Петров. Но и в них зрителю предлагался разговор о вечных ценностях. Таковы две первые работы Мархолия: «Наш городок» Т. Уайлдера и «Гарольд и Мод» К. Хиггинса и Ж.-К. Каррье-ра.

Тема, начатая в «Нашем городке», нашла продолжение в произведении, поставленном как триптих. Именно так решен «Рождественский обед», объединивший «Долгий рождественский обед» Т. Уайлдера, «Распотанные петунии» Т. Уильямса и «Охоту на крыс» П. Туррини. Спектакль, между частями которого есть сюжетное и нет стилистического единства. Но разве оно есть в нашей жизни?..

Из разговора с главным режиссером театра Романом Мархолиа:

— «Рождественский обед» — это три попытки рассказать об ускользающем времени.

Каждая часть триптиха показывает эволюцию взаимоотношений

с духовными ценностями. Три пьесы — три стадии. Герои «Долгого рождественского обеда» зациклены на патриархальных, застывших идеалах. Меняются поколения, но не меняются актеры, все так же старательно и основательно разрезающие рождественского гуся... Героине второй притчи дана возможность обрести духовную свободу Дана пришельцем, растоптавшим петунии и вырвавшим ее из привычного круга бытия. В «Крысах» вырванность из этого круга достигает своего апофеоза... А в итоге — идеалов нет, они потеряны в водовороте событий. Потерян Бог, а «где нет Бога, есть Дьявол»...

При Мархолия театр не изменился в главном: остался вдумчивый взгляд на мир, осталось нежелание бежать за театральной модой. Через полгода после премьеры «Рождественского обеда» в афише появляется комедия Пьера Мариво «Ложные признания». Спектакль радостный и изысканный, как сам автор. Действие происходит как бы на экране музыкальной шкатулки, где персонажи, появляясь с одной стороны сцены, совершают ритуальный круг и исчезают с другой. В первой сцене «шкатулка» только что заведена, фигуры полны энергии, они — почти люди. В последней — тот же танец, что и в прологе, но

«завод» кончается, и перед нами просто куклы...

Это театр созерцания, а не сопереживания. Зритель — устал от искусства, просто отражающего действительность. «Настоящее горе — уродливо; задача актера — представить его не только правдиво, но и красиво» (С. Мозм. «Театр»).

Из разговора с известным театроведом:

— Режиссер, который ставит спектакли не для привлечения зрителя, — это нонсенс. Но режиссер ставит такие спектакли, каково он мнения об этом зрителе.

Мархолия, похоже, очень высокого мнения о своем зрителе. Сейчас в его планах — «Кандид» Вольтера.

Из разговора с Романом Мархолиа:

— Меня привлекла в этом произведении его современность и... ощущение гармонии. «Кандид» утверждает позитивность самого процесса жизни.

Театр исповедует определенную художественную идею. И определенную идею нравственную. Тем и интересен.

Александр СМОЛЬЯКОВ.